

БЕЗСМЕРТІЕ ПРОШЕДШАГО.

(Принципъ сохраненія явленій) ¹⁾.

Въ нынѣшній день начинается новыйъ восемьдесятъ девятый годъ жизни Академіи. Въ первые она открыла свои двери для лицъ ищущихъ высшаго богословскаго образованія 1-го октября 1814 г., будемъ надѣяться, что и дѣти дѣтей нашихъ не будутъ свидѣтелями того, какъ она закроетъ свои двери въ послѣдній разъ. Для насъ—православныхъ богослововъ—процвѣтаніе нашей школы связано съ лучшими чаяніями нашей вѣры и нашей надежды. И мы надѣемся, что наша надежда не посрамитъ насъ. Но не мечтами о свѣтломъ будущемъ Академіи, думается, удобно наполнить нынѣшній день, а благодарностью къ тѣмъ, кто создалъ ея прошлое.

Мы молитвенно вспоминали о нихъ вчера. Мы часто говоримъ и пишемъ о ихъ дѣлахъ. Мы вѣримъ, что имъ за ихъ дѣла соблюдается вѣнецъ правды. Мы надѣемся, что все, что задумано и совершено ими добраго, нѣкогда станетъ явнымъ, яснымъ и безспорнымъ. Когда Господь приведетъ во свѣтъ тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечныя, прошлое тогда станетъ какъ бы настоящимъ. Но возможно ли это? Не говоримъ ли мы постоянно, что то, что прошло, не существуетъ болѣе? Вчерашній день не возвратится никогда, какъ никогда не возвратится къ намъ наша юность. Мечты поэта о томъ, какъ найти дорогу къ прошедшему, заканчиваются пессимистическимъ утвержденіемъ:

¹⁾ Рѣчь произнесенная на годичномъ актѣ Московской Духовной Академіи (1 октября 1902 года).

„но, увы, нѣтъ пути къ невозвратному“. Въ такомъ случаѣ къ чему же наша благодарность дѣятелямъ прошедшаго, наши воспоминанія, наши историческія изслѣдованія? Все это—занятія несуществующимъ. Все это: *vorbei, vorbei*, какъ говоритъ рыжекудрая Раутенделейнъ въ „Потоцувшемъ колоколѣ“ Гауптмана. Мы споримъ о характерѣ историческихъ дѣятелей, о правдивости археологическихъ и геологическихъ реставрацій. Мы говоримъ о научномъ воссозданіи типовъ вымершихъ животныхъ, исчезнувшихъ съ лица земли народовъ и языковъ, мы пытаемся воспроизводить образы Конфуція, Зороастра, Солона, Ликурга. Но къ чему создавать копіи, когда не существуетъ оригиналовъ и слѣдовательно, правдивость копій въ точномъ и строгомъ смыслѣ не можетъ быть провѣрена. Тѣхъ Аевинъ, гдѣ нѣкогда бродилъ Сократъ, гдѣ аевиняне смѣялись надъ его окаррикатуреннымъ образомъ въ „облакахъ“ Аристофана, гдѣ они судили его на смерть и воздвигли ему памятникъ, тѣхъ Аевинъ увидать никто не можетъ и никто не увидитъ.

Не увидитъ ли?

Я думаю, что можно утверждать противное. Я думаю, что тѣ знанія, которыя мы имѣемъ относительно физическаго міра, даютъ основаніе утверждать, что явленія не уничтожаются, что форма ихъ сохраняется вѣчно, что прошедшее можно наблюдать.

Позвольте мнѣ очередную мою бесѣду въ тотъ день, когда Академія вспоминаетъ свое прошлое, когда вслѣдъ за моею рѣчью Вамъ будетъ предложено сообщеніе о пережитомъ и сдѣланномъ Академіей въ прошедшій годъ ея жизни позвольте въ этотъ день воспоминаній посвятить свою бесѣду разъясненію и доказательству того, что то, о чемъ вспоминаемъ и когда либо будемъ вспоминать мы, не умерло, что оно прошло только для насъ, но сохранилось во вселенной, что можетъ быть настанетъ нѣкогда день, когда мы снова увидимъ все наше прошлое и прошлое другихъ людей, увидимъ несравненно болѣе ясно и отчетливо, чѣмъ видимъ теперь—въ настоящую минуту—другъ-друга.

Отодвинемся мысленно на 10 лѣтъ назадъ, отъ 1 октября 1902 года обратимся къ 1-му октября 1892 г. Нашъ скромный академическій праздникъ въ тотъ годъ былъ завершеніемъ длиннаго ряда юбилейныхъ торжествъ. Академическая

семья въ своемъ кругу тихо праздновала день рожденія Академіи. Нѣкоторые изъ нашихъ собратій бывшіе тогда членами академической среды уже почили. Въ числѣ ихъ сошелъ въ могилу и говорившій тогда рѣчь эраторъ. И всѣ мы были тогда нѣсколько иными. Мы были на 10 лѣтъ моложе, нашъ пульсъ бился сильнѣе, наши глаза блистали ярче, наши надежды были свѣтлѣе, наши планы шире. Я говорю о младшемъ поколѣніи, къ которому тогда принадлежалъ я. Молодость имѣетъ въ себѣ много хорошаго и завиднаго. И въ одномъ я особенно завидую ей: ей свойственны безотчетные, свѣтлые порывы въ неясную даль, ее одушевляють грезы о близкой возможности воплощенія царства свѣта, счастья и радости, и если тронутая скептицизмомъ современная молодежь не такъ легко увлекается мыслью о скорости общаго благополучія, то все-таки въ ея представленіяхъ отводится много мѣста мечтамъ о никогда не омрачающейся благородной радости. Эти порывы въ далекую даль и эта вѣра въ грядущее счастье замирають съ годами. Но остаются свѣтлыя воспоминанія о свѣтлыхъ мечтахъ. Къ свѣтлымъ воспоминаніямъ люди любятъ обращаться. Но гдѣ искать то, что прошло, гдѣ искать того, что было въ этотъ день на этомъ мѣстѣ 10 лѣтъ тому назадъ.

Ничто не исчезаетъ въ природѣ. Не исчезаетъ матерія. Это было сказано въ концѣ XVIII столѣтія. Не исчезаетъ сила; это формулировано въ половинѣ XIX вѣка. Думаю, что теперь можно добавить: не исчезаютъ и явленія. Въ небесномъ пространствѣ можно указать пункты, гдѣ въ нынѣшній день можно наблюдать все то, что здѣсь происходило 10 лѣтъ назадъ.

Такой пунктъ находится въ созвѣздіи Дракона. Объ этомъ созвѣздіи говоритъ Іовъ, называя его Левіаѳаномъ въ своей рѣчи, въ которой проклинаетъ день своего рожденія (Іов. III, 8). Есть въ этомъ созвѣздіи звѣзда, обозначаемая греческою буквою ι . Въ трубу и даже въ хорошій бинокль она представляется двойною. Ихъ обозначаютъ, какъ ι^1 и ι^2 . Вотъ, если бы на мѣстѣ ι^1 въ данный моментъ находились разумныя существа, если бы у нихъ были совершенные инструменты и кто-нибудь изъ нихъ вздумалъ бы направить свой телескопъ на нашъ скромный уголокъ, то онъ уви-

дѣлъ бы что было здѣсь съ нами 10 лѣтъ назадъ. Онъ увидѣлъ бы тѣхъ изъ насъ, которые присутствовали здѣсь тогда, помолодѣвшими, посвѣжѣвшими ровно на 10 лѣтъ.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Мы видимъ предметы, потому что лучи свѣта падающіе на нихъ отъ свѣтящагося источника отражаются ими, идутъ отъ нихъ обратно и попадаютъ въ наши глаза. Возбуждая зрительный нервъ, они заставляютъ относить полученное впечатлѣніе къ исходному пункту луча — къ тому предмету, отъ котораго онъ отраженъ. Лучи свѣта двигаются со скоростію 300 тысячъ километровъ или около 280 тысячъ верстъ въ секунду. На землѣ не приходится имѣть дѣло съ такими разстояніями. Радиусъ земного шара имѣетъ въ длину менѣе 6000 верстъ, такимъ образомъ прямое разстояніе между двумя пунктами на землѣ не можетъ быть болѣе 12 тысячъ верстъ и, измѣряя поверхность земли геодезическими путями, нельзя найти на этой поверхности пунктовъ раздѣленныхъ между собою болѣе, чѣмъ 20 тысячеверстнымъ разстояніемъ. Но разстоянія между небесными тѣлами не измѣряются такими скромными величинами. Луна—ближайшее къ землѣ небесное тѣло — отстоитъ отъ нея приблизительно на 360 тыс. верстъ. Значитъ, свѣтъ отъ нея долженъ доходить до земли черезъ 1 секунду слишкомъ ($\frac{2}{3}$), солнце отъ земли отстоитъ на 140 миллионѣвъ верстъ, поэтому свѣтъ отъ солнца достигаетъ до земли только въ 8 слишкомъ ($\frac{1}{3}$) минутъ. Я сказалъ бы, что мы должны видѣть наше солнце на горизонтѣ лишь черезъ 8 минутъ послѣ его восхода, еслибы на самомъ дѣлѣ вслѣдствіе рефракціи мы не видѣли бы его уже раньше, чѣмъ оно всходитъ. Но минуты нужны свѣту для того, чтобы переходить отъ одного тѣла къ другому въ нашей солнечной системѣ. Для сообщенія между свѣтилами разныхъ системъ онѣ оказываются черезъ чуръ недостаточны. Здѣсь требуются не минуты и часы, и даже—не дни и мѣсяцы, а цѣлые годы. Отъ α въ созвѣздіи Центавра свѣтъ приходитъ къ намъ черезъ 4 года, отъ ϵ Быка въ 6 лѣтъ отъ β Лебеда въ 7 лѣтъ, отъ Сириуса—въ 8 лѣтъ и отъ γ Дракона въ 10 лѣтъ. Во-сколько свѣтъ доходитъ отъ γ Дракона до насъ, во столько и отъ насъ онъ доходитъ до этой звѣзды. Лучи солнечнаго свѣта 10 лѣтъ назадъ падавшіе въ этотъ день въ эту залу отразились отъ

находившихся здѣсь лицъ и предметовъ и понеслись въ мировое пространство, и вотъ, часть этихъ лучей сегодня достигаетъ *v'* Дракона. Это значитъ, что если бы у обитателей этой звѣзды были столь совершенные телескопы, что они могли видѣть въ нихъ сцены нашей домашней жизни, то они увидѣли бы Московскую академію въ томъ видѣ, какой она имѣла въ 1892 году и они были бы созерцателями сцены академическаго акта этого года.

То обстоятельство, что свѣтъ имѣетъ опредѣленную скорость, само по себѣ не утверждаетъ, чтобы онъ могъ освѣтить наше прошлое и прошлое другихъ до сокровенныхъ глубинъ. Въдъ и звукъ двигается съ опредѣленною и даже небольшою скоростію, однако мы не можемъ говорить о сохраненіи звуковъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы утверждаемъ сохраненіе геометрическихъ формъ и цвѣтовыхъ оттѣнковъ явленій. Звуки рѣчей раздававшихся въ этотъ день 10 лѣтъ тому назадъ не могли еще достигнуть солнца, если бы звуки шли съ тою скоростью, съ какою они распространяются въ воздухѣ. Быстрѣ всего звукъ двигается въ стеклѣ (около $5\frac{1}{2}$ верствъ въ секунду). Если бы солнце было соединено съ землею стекляннымъ проводникомъ, то наши рѣчи доходили бы до солнца скорѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ. Но на самомъ дѣлѣ шумъ земли никогда не достигаетъ неба. Дѣло въ томъ, что звуку для того, чтобы пройти отъ одного пункта къ другому, нужно, чтобы эти пункты были соединены матеріальною средою. Звукъ распространяется въ газахъ (быстрѣ всего въ водородѣ—1280 метр, въ секун.). жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ, но звукъ безусловно замираетъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Какъ бы ни звонилъ колокольчикъ въ безвоздушномъ пространствѣ, мы никогда не услышимъ его звуковъ. Звуки могутъ сохраняться фонографомъ, звуки живутъ въ своихъ послѣдствіяхъ, такъ какъ всякое колебаніе среды, понятно, производитъ измѣненіе въ состояніи матеріи. Но земные вопли и стоны, какъ смѣхъ и крики восторга не поднимаются къ небу, они замираютъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Другое дѣло-вibrации звучащаго тѣла. Онѣ остаются навсегда запечатанными въ пространствѣ. Музыкантъ провелъ смычкомъ по скрипкѣ. Послышался и замеръ звукъ, струны натянулись и пришли въ прежнее спокойное состояніе. Но

моментъ прикосновенія къ нимъ смычка уже увѣковѣченъ во вселенной. Представимъ себѣ, что противъ этого пункта, гдѣ произошло движеніе смычка, помѣстится наблюдатель черезъ сто лѣтъ послѣ происшествія на разстояніи 315, 532, 800.000 свѣтовыхъ единицъ (каждую единицу я принимаю равной 280000 верст.). Если это движеніе было сдѣлано сегодня, то онъ увидитъ его, если взглянетъ на нужный пунктъ—предполагая, конечно, у него теоретически совершенное зрѣніе—въ 2002 году 1-го октября. Образъ cadaго явленія сохраняется во вселенной. Отъ каждой точки предмета въ каждый данный моментъ во всѣ стороны исходить безчисленное количество лучей дающихъ изображеніе этой точки. Совокупность лучей по одному изъ каждой точки—даютъ цѣлый образъ предмета. Такъ какъ лучи отражаются отъ предмета непрерывно, то, значить, ими даются изображеніе всѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ съ предметомъ. Можно измѣнять направленіе лучей. Можно ихъ сблизить между собою, пропуская черезъ выпуклыя плотныя среды, и тогда предметъ представится въ уменьшенномъ видѣ; можно разсѣять лучи, обыкновенно пропуская чрезъ вогнутыя среды, и образъ предмета станетъ увеличеннымъ, можно преломить направленіе, можно при помощи серединъ обезцвѣтить окрашенный предметъ—хотя бы радугу, и можно наоборотъ безцвѣтному предмету придать яркую окраску. Вообще, среда чрезъ которую проходитъ лучъ, можетъ измѣнить и его направленіе и его цвѣтъ и даже скорость, но два несомнѣнныхъ факта обезпечивающихъ безсмертіе прошедшаго, остаются во всей силѣ. Отъ всякаго предмета при всякихъ условіяхъ, хотя бы въ совершенной темнотѣ—непрерывно идутъ лучи, дающіе его изображеніе, и ни одинъ изъ этихъ лучей никогда не можетъ быть уничтоженъ. Темнота и свѣтъ, какъ тепло и холодъ—понятія условныя, субъективныя. Какъ въ природѣ не существуетъ холода, а есть лишь теплота; такъ въ природѣ не существуетъ мрака, а есть лишь свѣтъ. И свѣтъ и тепло имѣютъ различную интенсивность (напряженность). Когда эта интенсивность такова, что мы не можемъ различать окружающихъ предметовъ и испытываемъ непріятное чувство вслѣдствіе того, что окружающая температура значительно ниже температуры нашего собственнаго тѣла, мы говоримъ о мракѣ и хо-

лодѣ. Но эти мракъ и холодъ суть лишь слабыя степени свѣта и тепла. Безъ тепла и свѣта не можетъ быть никакого существованія. Нуль тепла и свѣта, это небытіе, немыслимая и не представимая граница бытія. Наше зрѣніе не воспринимаетъ большей части свѣтовыхъ лучей, но вѣдь, можетъ быть и болѣе совершенное зрѣніе, чѣмъ человѣческое, и затѣмъ невидимый для человѣческаго глаза свѣтъ при помощи нѣкоторыхъ орудій можетъ становиться видимымъ. Мы говоримъ, что безцвѣтный солнечный лучъ разлагается призмой на семицвѣтный, но на самомъ дѣлѣ этотъ семицвѣтный спектръ заключаетъ въ себѣ только незначительную часть лучей сливающихся въ блѣдомъ. Солнечный лучъ заключаетъ еще въ себѣ инфракрасную и ультрафіолетовую части значительно превосходящія видимую часть. Эти лучи могутъ быть обнаружены путемъ химическимъ. Въ звѣздахъ приближающихся къ намъ инфракрасная часть можетъ становиться видимою, въ звѣздахъ удаляющихся отъ насъ можетъ становиться видимою часть ультрафіолетовая. Лучи непрерывно идущіе отъ всѣхъ точекъ всѣхъ предметовъ могутъ отражаться, преломляться, поляризоваться, но не могутъ уничтожаться. Если звукъ для того, чтобы существовать, нуждается въ матеріальной средѣ и замираетъ въ пустотѣ, то свѣтовой лучъ безпрепятственно и безъ измѣненій пронизываетъ пустоту и, наоборотъ, претерпѣваетъ измѣненія въ матеріальной средѣ, хотя и остается не уничтожимымъ. Говорятъ: свѣтъ погасъ. Это какъ бы указываетъ на уничтоженіе лучей. Но вѣдь, когда гаснетъ свѣтъ, то лучи отъ него уже разойдутся и рассуждая теоретически, они затѣмъ будутъ вѣчно идти отъ своего источника, какъ центра, къ периферіи вселенной. Сила свѣта ослабѣваетъ съ разстояніемъ, она обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Это зависитъ отъ того, что одинъ и тотъ же лучъ по мѣрѣ удаленія отъ центра долженъ освѣщать все большія и большія поверхности, которыя растутъ, какъ квадраты разстояній. Вслѣдствіе того, что свѣтъ съ разстояніемъ ослабѣваетъ, онъ наконецъ, становится не видимымъ, но... не видимымъ для нашего слабого зрѣнія. Какъ бы ни ослабило его разстояніе, нулемъ онъ стать не можетъ. На какое большое число вы не раздѣлите единицу она не сдѣлается нулемъ, такъ и напряженность какого-

либо источника свѣта, если мы раздѣлили ее на какое угодно число выражающее квадраты версть, не превратится въ ничто. Пусть такой свѣтъ невидимъ для нашего глаза, но онъ видимъ по существу и можетъ стать видимымъ и для насъ. Число всѣхъ видимыхъ звѣздъ на обоихъ полушаріяхъ для нормальнаго глаза равно приблизительно 5500. Свѣтъ отъ остальныхъ міровъ неуловимъ для невооруженнаго зрѣнія. Но число звѣздъ видимыхъ въ современные телескопы опредѣляется приблизительно въ 100 милліоновъ. Но что такое эти телескопы въ сравненіи съ возможно совершенными телескопами? И однако они расширяютъ для насъ сферу видимаго почти въ 20 тысячъ разъ (въ 1818, 81818).....

Несомнѣнно, что какъ бы ни былъ слабъ лучъ идущій отъ того или другого предмета, онъ при помощи какихъ-либо искусственныхъ приборовъ можетъ быть замѣченъ. Но вотъ—вопросъ: не могутъ ли лучи идущіе отъ предмета при прохожденіи черезъ какую-нибудь среду быть погашены совсѣмъ? Среда поглотитъ ихъ? Свѣтъ лампы и даже солнца не проникаетъ сквозь стѣну, слѣдовательно, онъ поглощается ею. Позволительно думать, что среда, какъ и пространство, только ослабляетъ, но не уничтожаетъ силу лучей. Золото непрозрачно, но сплошныя листовыя золотыя пластинки прозрачны, онѣ сообщаютъ даже особенную зеленую окраску — проходящему чрезъ нихъ свѣту, Помѣръ того, какъ пластинка становится толще, ея проникаемость становится слабѣе, при извѣстной толщинѣ эта проникаемость становится неуловимою, однако она не дѣлается нулевою. Но намъ могутъ сказать, что это наше предположеніе, которое хотя и не опровергнуто—однако и не доказано. Но думается, что теперь можно считать доказаннымъ, что непрозрачныхъ срединъ въ абсолютномъ смыслѣ этого слова не существуетъ, что есть лучи, проникающіе черезъ всякія преграды. Типомъ таковыхъ лучей являются X лучи Рентгена. Въ декабрѣ 1895 года телеграфъ повѣдалъ всему свѣту объ открытіи Рентгена. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Если черезъ стеклянную трубку съ крайне разрѣженнымъ воздухомъ пропустить сильный электрическій токъ, то явится свѣтъ направляющійся какъ бы отъ отрицательнаго полюса къ положительному (такъ какъ отри-

цательный полюсъ называется катодомъ, то и этотъ свѣтъ названъ катоднымъ, но лучи Рентгена не тождественны съ катодными лучами). Оказалось, что въ составъ этого свѣта входятъ лучи невидимые для глаза и проникающіе черезъ средину считавшіяся непрозрачными. Опытъ, до котораго безъ сомнѣнія трудно было додуматься и который въ существѣ своемъ необыкновенно простъ, доказалъ это. Рентгенъ покрылъ трубку плотнымъ чернымъ картономъ, такъ, что свѣтъ трубки не проникалъ черезъ него и въ комнатѣ, гдѣ не было другого источника свѣта, воцарился мракъ. Но передъ трубкою Рентгенъ помѣстилъ флюоресцирующий экранъ. Что это такое? Физика знаетъ группу явленій носящихъ общее имя люминисценціи. Имъ обозначается тотъ фактъ, что существуютъ тѣла испускающія свѣтъ, не сгорая и не будучи раскалены, т. е. при низкихъ температурахъ. Люминисценція—это холодный свѣтъ. Флюоресценція — одинъ изъ видовъ люминисценціи. Флюоресцирующими называются тѣла, которыя издають свѣтъ при воздѣйствіи на нихъ свѣтовыхъ лучей. Экранъ покрытый такимъ флюоресцирующимъ составомъ Рентгенъ помѣстилъ передъ покрытою трубкою. Экранъ сталъ свѣтиться. Значитъ, невидимые лучи проникли черезъ непроницаемый для свѣта покровъ и воздѣйствовали на поверхность экрана. Далѣе открылись другія любопытныя явленія. Если между трубкою и экраномъ помѣщалась рука, то свѣтъ за рукою ослабѣвалъ, а тамъ, гдѣ въ рукахъ находятся кости, исчезалъ почти совсѣмъ, такъ что они своею темнотою рѣзко выдѣлялись на экранѣ. Кости невидимыя въ тѣлѣ становятся видимыми на экранѣ. Дальнѣйшимъ и естественнымъ благомъ въ открытіи Рентгена была фотографія невидимыхъ вещей. Рентгеновскіе лучи, проходя черезъ дерево, задерживаются металломъ. Если пропуститъ ихъ черезъ деревянную копилку наполненную монетами на свѣто чувствительную пластинку, то монеты обрисуются на ней. Разсмотрѣніе недодержанныхъ и передержанныхъ пластинокъ полученныхъ отъ воздѣйствія рентгеновскихъ лучей показываетъ, что преграды задерживаютъ, но не останавливаютъ совсѣмъ этихъ лучей. На недодержанной пластинкѣ обрисовываются только контуры руки, но не видно ея костей, на передержанной, наоборотъ, контуры исчезаютъ и остаются видны лишь кости. Рентгенъ

нашелъ, что непрозрачность серединъ для X—лучей приблизительно пропорціональна плотности этихъ серединъ. Но этимъ закономъ утверждается, что рентгеновскіе лучи проникаютъ чрезъ всякую преграду. Пусть сила рентгеновскаго луча прошедшаго чрезъ неуловимо тонкую пластинку Урана (наиболѣе непрозрачнаго тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющаго наибольшій атомный вѣсъ—240) равна малой величинѣ x , во сколько бы тысячъ разъ мы не увеличивали толщину пластинки и слѣдовательно, на сколько бы тысячъ мы не дѣлили величину x , эта величина никогда не станетъ нулемъ. У рентгеновскихъ лучей найдены еще замѣчательныя свойства: они не отражаются, не преломляются, не поляризуются. Можетъ быть все это только приблизительно, но во всемъ этомъ мы видимъ, что имѣются лучи, на которые средины, чрезъ которыя они проходятъ, оказываютъ наименьшее дѣйствіе и которые однако при всей своей удобопроницаемости сохраняютъ образы тѣхъ серединъ, чрезъ которыя проходятъ и потому, значить, сохраняютъ образы вещей и явленій. Но рентгеновскіе лучи, какъ лучи катодные, ультрафіолетовые, инфракрасные и наконецъ видимые лучи семицвѣтнаго солнечнаго спеклуга, конечно, далеко не выражаютъ собою всѣхъ лучей существующихъ во вселенной.

Въ послѣдніе годы открыты лучи Беккерелевскіе. Оказывается, что нѣкоторые рѣдкіе металлы непрерывно испускаютъ изъ себя лучи производящіе дѣйствія аналогичныя лучамъ Рентгена. Подсказывается мысль, что каждый предметъ посылаетъ отъ себя лучи самостоятельныя, такъ какъ въ каждомъ предметѣ происходитъ молекулярное движеніе частицъ, хотя эти лучи вообще говоря и не уловимы. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою тотъ несомнѣнный фактъ, что отъ каждой точки каждаго предмета непрерывно въ пространство посылаются отраженные лучи, эти лучи не могутъ погибнуть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые виды ихъ. То обстоятельство, что среда, чрезъ которую они проходятъ вообще вліяетъ на нихъ, не только не враждебно нашему желанію, чтобы образы всего прошедшаго сохранялись въ мірѣ, напротивъ, наилучшимъ образомъ содѣйствуетъ этой цѣли, потому что вслѣдствіе его лучи отражаютъ въ себѣ все происходящее и встрѣчающееся на пути.

Представимъ себѣ, что мы—центръ міра. Это можетъ казаться очень притязательнымъ, но чтобы насъ не обвинили въ неумѣренной гордости мы должны заявить, что и каждое малѣйшее селеніе съ равнымъ правомъ можетъ претендовать на то, что бы именовать себя такимъ центромъ. Предѣловъ пространства мы не видимъ, не знаемъ, не представляемъ, вселенная представляется намъ шаромъ не имѣющимъ периферіи, центръ такого шара можно мыслить въ какомъ угодно пунктѣ. Мы естественно избираемъ тотъ, въ которомъ находится сами. И вотъ, мы представляемъ, отъ насъ ко всѣмъ пунктамъ периферіи вселенной летятъ всевозможныя лучи. Населимъ отдаленныя міры воображаемыми наблюдателями нашихъ дѣяній. Еслибы лучи пронизывали всевозможныя преграды, не измѣняясь, то они прошли бы и сквозь глаза нашихъ предполагаемыхъ наблюдателей, и тѣ бы не увидѣли ничего. Но среда воздѣйствуетъ на лучи и въ концѣ концовъ они оставляютъ слѣды на глазахъ наблюдателей. Вслѣдствіе разныхъ воздѣйствій наблюдатель можетъ увидѣть насъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находимся, не съ тою окраскою и—если хотите можетъ быть даже искаженными, подобному какъ искажается нашъ образъ въ цилиндрическихъ и коническихъ зеркалахъ или—что проще и ближе всего, какъ искажаются наши фигуры въ отраженіяхъ поверхности самовара. Но физика учитъ насъ, что затемненный, искаженный и перемѣщенный образъ нашъ при помощи искусственныхъ орудій можетъ быть представленъ наблюдателю въ своемъ настоящемъ видѣ. Свѣтъ отъ земли на растояніи милліона верстъ отъ нея въ милліонъ разъ слабѣе, чѣмъ на растояніи отъ нея въ 1000 верстъ. Это зависитъ отъ того, что на такомъ растояніи тотъ же свѣтъ долженъ распредѣляться на поверхности имѣющей въ милліонъ разъ большіе размѣры. Но собирательное стекло можетъ сконцентрировать лучи съ поверхности въ одинъ квадратный метръ на поверхности въ одинъ квадратный миллиметръ и къ нимъ возвратится въ милліонъ разъ большая яркость. Бѣлый лучъ солнца прошедшій черезъ расщѣвающую призму распадается на семь лучей, но мы можемъ на эти лучи направить собирательное стекло и изъ него снова выйдетъ одинъ чистый безцвѣтный лучъ. Я сказалъ выше, что мы видимъ солнце раньше восхода и вообще видимъ

его выше того мѣста, на которомъ оно находится. Это происходитъ вслѣдствіе преломляющаго дѣйствія атмосферы, но мы можемъ смотрѣть на солнце въ стекло отклоняющее его книзу и тогда увидимъ его тамъ, гдѣ оно дѣйствительно находится.

Я клоню эту рѣчь къ выясненію того, что для сохраненія образа явленій нужно только, чтобы сохранялись лучи идущіе отъ явленій. Эти лучи всегда представляютъ собою образъ истины, что бы съ ними не случилось въ дорогѣ. Я уподобилъ бы ихъ вѣрнымъ вѣстникамъ древнихъ царей съ опасностью жизни, темными и извилистыми путями переносившихъ тайны отъ одного двора къ другому. Но въ двухъ отношеніяхъ лучи отличаются отъ этихъ вѣстниковъ. Во первыхъ лучи не могутъ погибнуть, во вторыхъ лучи точно воспроизводятъ образъ факта, но отъ самаго добросовѣстнаго и талантливаго изслѣдователя и описывателя явленій всегда ускользаетъ многое. Фотографія, какъ видимыхъ, такъ и невидимыхъ лучей есть только крайне несовершенная утилизация того, что могутъ дать эти лучи. Фотографія изображаетъ на поверхности то, что происходитъ въ пространствѣ. Явленія 3-хъ измѣреній она сводитъ къ 2-мъ. Получается собственно не изображение явленія, а то что на геометрическомъ языкѣ называется сѣченіемъ. Конусъ пересѣченный плоскостью можетъ дать въ сѣченіи окружность, эллипсъ, треугольникъ и сфотографированный съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія онъ даетъ эти фигуры. Понятно, что они далеко не тождественны съ предметомъ. Но лучи несутъ нефотографическій, а если позволительно выразиться, фотоскульптурный образъ предмета.

Каждый предметъ можно разсматривать, какъ систему точекъ. Если мы отъ какой-либо точки его проведемъ мысленную прямую—положимъ—въ 280 тысячъ верстъ разстоянія, и затѣмъ изъ остальныхъ точекъ проведемъ мысленныя прямыя параллельныя съ первой и также имѣющія длину въ 280 тысячъ верстъ, то точки, которыми будутъ окончиваться эти прямыя дадутъ тотъ же самый предметъ въ томъ же самомъ видѣ и направленіи на свѣтовой единицѣ разстоянія отъ самаго предмета. Такія прямыя, иначе говоря, прямолинейныя свѣтовые лучи и идутъ непрерывно отъ каждой точки предмета, но они идутъ не въ одномъ направленіи,

какъ въ нашемъ примѣрѣ, а во всѣхъ направленіяхъ. Вслѣдствіе этого не только отъ каждой точки идутъ лучи въ пространство, но и въ каждой точкѣ пространства пересѣкаются лучи идущіе отъ всѣхъ точекъ предмета. Поэтому вовсе не нужно имѣть большихъ глазъ, чтобы видѣть большіе предметы, нужно только имѣть хорошіе глаза.

Но если отъ cadaго предмета исходятъ мириады лучей, если эти лучи переплетаются, пронизываются взаимно, то не должна ли въ концѣ концовъ представиться глазамъ хаотическая пестрота тоновъ и контуровъ вмѣсто ясныхъ и раздѣльныхъ образовъ? Непосредственный опытъ даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Безчисленное количество лучей падаетъ теперь въ глазъ cadaго изъ насъ, и однако картина, которую каждый видитъ, опредѣленна и отчетлива. Въ этомъ фактѣ мы можемъ видѣть поучительный примѣръ того, какъ иногда полезна не только сила, но и слабость. Вслѣдствіе слабости нашего органа зрѣнія многіе лучи не возбуждаютъ въ немъ замѣтнаго раздраженія, такимъ образомъ, онъ воспринимаетъ дѣйствіе не всѣхъ, а сравнительно немногихъ. Много условій помогаетъ человѣку въ дѣлѣ правильнаго представленія тѣхъ предметовъ, лучи отъ которыхъ онъ воспринимаетъ. Я не буду воспроизводить по этому вопросу страницъ изъ учебниковъ по физиологической оптикѣ. Позволю себѣ высказать лишь одну догадку. Мнѣ думается, что между лучами идущими отъ одного предмета существуетъ нѣкоторая связь аналогичная,—но разумѣется не тождественная — той, которая существуетъ между частицами предмета. Можетъ быть эта связь проявляется въ сходствѣ воздѣйствія на глазной нервъ и въ чемъ либо еще. И вслѣдствіе этого мы и обособляемъ предметы, связываемъ одни и раздѣляемъ другіе. Это обособленіе предметовъ одного отъ другого есть, вѣдь, нѣчто совершенно иное, чѣмъ пространственные и цвѣтовые различенія. Однако слабость нашего глаза если и представляетъ выгоды въ одномъ отношеніи, оказывается невыгодна въ многихъ другихъ. Въ природѣ лучи не смѣшиваются, это является необходимымъ условіемъ и незыблемымъ залогомъ сохраненія образовъ явленій, но нашъ глазъ и можетъ смѣшивать и дѣйствительно постоянно смѣшиваетъ лучи. Млечный путь кажется нашему глазу цѣлымъ, хотя на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ мириа-

довъ цѣлыхъ отдѣльныхъ міровъ, солнечный лучъ кажется бѣлымъ между тѣмъ, какъ онъ есть сумма лучей всевозможныхъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Для несовершеннаго чело-вѣческаго духа болѣе совершенный органъ зрѣнія оказался бы непосильнымъ бременемъ. Нужно, чтобы между орудіемъ и тѣмъ, кто его употребляетъ, существовало правильное отношеніе. Мы видимъ теперь, какъ бы сквозь тусклое стекло (Корин. 13, 12), но мы представляемъ возможность существованія болѣе чистыхъ и болѣе ясныхъ очей. И мы утверждаемъ, что такія очи, созерцая небесныя пространства, созерцали бы вмѣстѣ съ тѣмъ всю мировую исторію. Небесное пространство, это экранъ, на которомъ время—безстрастный лѣтописецъ вселенной вѣчными свѣтовыми буквами записываетъ все, абсолютно безъ всякихъ пропусковъ все, что происходило въ мірѣ.

„Какая природа этихъ лучей? Что они такое? Уже въ V столѣт. до Р. Х. Демокритъ изъ Абдеры (род. 460 г.) такъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ: изъ предмета исходятъ истеченія, представляющія собою тѣлесныя изображенія предмета—*εἰδωλα* (Theoph. de sens. 57). Въ новое время Ньютонъ повторилъ нѣсколько въ измѣненномъ видѣ теорію Демокрита. Свѣтящіяся тѣла, по его взгляду, испускаютъ изъ себя особаго рода вещество, состоящее изъ отдѣльныхъ частицъ двигающихся со скоростью свѣта. Но еще ранѣе Ньютона Гюйгенсъ высказалъ положеніе, что явленія свѣта суть результатъ колебанія особаго вещества наполняющаго міръ эфира, каковыя колебанія вызываються свѣтящимся тѣломъ. Теперь взглядъ, что свѣтъ есть результатъ волно-образнаго движенія эфира, считается общепринятымъ. Кто знаетъ, можетъ быть, недалекъ тотъ день, когда и теорія мирового эфира отойдетъ въ область исторіи. Но во всякомъ случаѣ она не отойдетъ въ прошедшее, не передавъ много будущему. Математическая оптика построенная на ней останется. электро-оптическая теорія, разсматривающая свѣтотворныя явленія, какъ видъ электрическихъ, позволительно думать, также сохранится. Безспоренъ фактъ, на который наводитъ мысль объ эфирѣ, хотя можетъ быть при подробномъ выясненіи факта самая теорія эфира должна быть отвергнута, что всѣ частицы вселенной, что всѣ ея самоналѣйшіе атомы связаны между собою неразрывною связью, что вселенная есть дѣй-

ствительно космосъ. Мы можемъ мыслить, что каждый атомъ связанъ со всѣми остальными атомами міра неразрывными нитями, находящимися въ состояніи напряженности и натянутости. Понятно, что разъ мы перемѣстимъ нашъ атомъ на самомалѣйшую долю милиметра, нити связующія его со вселенной потянутъ въ ту же сторону весь міръ, перемѣшеніе малѣйшей частицы на малѣйшее разстояніе вызоветъ нѣкоторыя измѣненія, неуловимыя, неизслѣдимыя для насъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ міра. Жестъ, который я дѣлаю сейчасъ рукою, чрезъ восемь лѣтъ такъ или иначе отзовется на явленіяхъ на поверхности Сиріуса. Но вотъ, что еще открывается въ природѣ. Каждое явленіе не только вліяетъ на всѣ другія, но и открываетъ себя другимъ. Природа устроена такъ, что причину cadaго явленія можно созерцать. Объ этомъ свидѣлствуютъ органы чувствъ. Одинъ предметъ, воздѣйствуя на другой, въ то же время сообщаетъ другому свой образъ. Не всегда у этого другого имѣются органы для воспріятія этого образа, но вообще такіе органы могутъ существовать. Причина, дѣйствуя такъ или иначе, сообщаетъ тому, на что дѣйствуетъ, свой образъ. Въ сущности это понятно. Все то, что воздѣйствуетъ на насъ, сообщаетъ намъ знаніе о себѣ. Когда въ благородной борьбѣ одинъ школьникъ повергаетъ другого на землю, онъ нерѣдко обращается къ поверженному съ словами: „теперь ты меня знаешь или будешь меня знать“. Тамъ, гдѣ есть психическій элементъ, воздѣйствіе одного на другого есть всегда откровеніе себя другому. Такъ, оказывается и въ природѣ. Вчерашнія явленія, создавая нынѣшнее положеніе вещей, открываются въ своихъ дѣйствіяхъ. Но и эти вчерашнія явленія носятъ на себѣ образы создавшихъ ихъ событій третьяго дня. Эти въ свою очередь влекутъ за собою образы создавшихъ ихъ причинъ. Только причины все болѣе и болѣе отходятъ въ даль въ пространствѣ. Если на современномъ политическомъ строѣ европейскихъ государствъ сказалось сильное вліяніе французскихъ событій конца XVIII столѣтія, то для созерцанія этихъ событій изслѣдователю самое удобное помѣститься теперь на « созвѣздія Аргуса, свѣтъ отъ котораго доходитъ приблизительно въ 109 лѣтъ до земли. Предъ нимъ теперь стали бы проходить кровавыя событія великой революціи и тѣ, которымъ нравится мысль объ оби-

таемости міровъ, должны допустить возможность, что въ настоящее время какой либо обитатель α Аргуса съ замираніемъ сердца можетъ быть слѣдить въ телескопъ за тѣмъ, какъ везуть на эшафотъ Дюбари или Марію Антуанету. Двигаясь отъ настоящаго пункта въ какомъ угодно направленіи со скоростью превосходящею скорость свѣта, мы прослѣдимъ безъ всякихъ пропусковъ все, что происходило на этомъ мѣстѣ отъ начала бытія. Но мы можемъ представить иной глазъ: глазъ, взоръ котораго сразу обнимаетъ все пространство вселенной. Такой видитъ не только то, что происходитъ, но и все то, что когда-либо происходило въ мірѣ. Онъ созерцаетъ міръ и исторію міра. Въ концѣ XVII столѣтія Ньютонъ и Кларкъ развили своеобразную теорію, по которой пространство есть органъ ощущенія божества—*sensorium Dei*. Мысль эта—невѣрная въ ея грубо матеріалистической формѣ—хороша какъ образъ, какъ метафора. Все происходитъ въ пространствѣ и если пространство само по себѣ есть органъ ощущенія, то тогда Тотъ, Кому принадлежитъ этотъ органъ, знаетъ абсолютно все, Его представленіе бытія или Его мысль о бытіи тождественно съ бытіемъ. Мы не знаемъ, что такое пространство; не знаемъ, что такое лучи пронизывающіе пространство по всѣмъ направленіямъ, несущіяся въ безмѣрномъ количествѣ отъ всѣхъ точекъ всѣхъ вещей. Наши физическія теоріи и формулы можетъ быть тоже только метафоры истины. Но не метафорой, а истиной, думается, должно признать положеніе существуетъ не только то, что есть, но и все то, что было.

Съ глубокой древности и до настоящихъ дней развиваются теоріи о круговоротѣ явленій во вселенной. Объ этомъ круговоротѣ учили буддисты, стоики, матеріалисты прошлаго времени и настоящихъ дней. Міръ представляется послѣднимъ, какъ бессмысленное *regretium mobile*, въ немъ происходитъ лишь перемѣщеніе вѣчно неизмѣннаго вещества, и если всѣ возможныя перемѣщенія осуществлены, они съ безнадежною послѣдовательностію должны начать повторяться снова. Эта теорія бессмысленнаго круговорота стоитъ въ противорѣчій со всѣмъ, что мы знаемъ о природѣ. Ни одинъ фактъ въ ней не повторился и не могъ повториться два раза. Ни одна будущая весна не будетъ тождественна ни съ одной прошедшей, никогда земля не

была два раза на одномъ и томъ же мѣстѣ въ міровомъ пространствѣ. И мы уже не тамъ, гдѣ были $\frac{1}{4}$ часа назадъ, мы подвинулись на $3\frac{3}{4}$ градуса къ востоку, мы нѣсколько приблизились къ солнцу и вмѣстѣ съ солнцемъ мы нѣсколько приблизились къ созвѣздіямъ Лиры и Геркулеса. И никогда снова не вернуться намъ на старое мѣсто. Родство и сходство явленій имѣемъ мы, но не ихъ тождество. Отсюда и пространство, заключая въ себѣ образы исторіи вселенной, не содержитъ въ себѣ повтореній: оно представляетъ намъ безконечныя варіаціи однихъ и тѣхъ же формъ, но не тѣ же самыя формы.

Между тѣмъ мысль о круговоротѣ явленій и о гибели прошлаго, мысль питаемая созерцаемъ разрушенія настоящаго и поверхностнымъ наблюденіемъ не умѣющимъ въ сходномъ подмѣчать различій, эта мысль распространена такъ широко и оказываетъ такое могучее давленіе, что ей подчиняются даже тѣ, умъ которыхъ всегда стремился къ вѣчному. Покойный философъ поэтъ говоритъ:

Смерть и время царятъ на землѣ,

Ты владыками ихъ не зови,

Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,

Неподвижно лишь солнце любви ¹⁾.

Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ. Такъ говорили Демокритъ, Эпикуръ, Лукрецій, Гольбахъ, Молешотъ, Бюхнеръ. Имъ подчинялась робкая человѣческая мысль, но имъ никогда не вѣрило человѣческое сердце. Тотъ же мыслитель подъ наплывомъ чувствъ вызванныхъ воспоминаніями говоритъ:

Безумье вѣчное поэта,

Какъ свѣжій ключъ среди руинъ,

Вѣковъ не слушая запрета,

Онъ въ смерти жизнь хранитъ одинъ.

Пускай Цергамъ давно во прахъ,

Пусть мирно дремлетъ тихій Донъ,

Все тотъ же ропоть Андрوماхи

И надъ Путивлемъ тотъ же стонъ ²⁾.

Тоска Андрوماхи о гибели Гектора, плачь Ярославны объ Игорѣ для поэта не безслѣдно исчезающая мимолет-

¹⁾ Соловьевъ В., стихотворенія.

²⁾ Ibid.

ная скорбь, но вѣчный фактъ горя. Если я причинилъ кому нибудь скорбь, и если эта скорбь потомъ у того лица смѣнится радостью, то эта скорбь не должна быть считаема мною безслѣдно исчезнушею. Она существуетъ какъ мое вѣчное преступленіе. Его реальность можетъ быть парализована подвигами любви, но и тогда его образъ сохраняется вѣчно.

Не круговоротъ явленій происходитъ во вселенной, а нарастаніе явленій. Образы прошедшаго отступаютъ въ даль, а факты настоящаго заступаютъ ихъ мѣсто. Можетъ показаться, что этотъ фактъ сохраненія явленій утверждаемый мною стоитъ въ противорѣчій съ великими принципами сохраненія вещества и энергіи. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ противорѣчія. Сохраняющаяся форма явленій не увеличиваетъ и не ослабляетъ дѣйствія матеріи. У Аристотеля мы находимъ ученіе о неподвижной формѣ и движущейся матеріи, матерія непрерывно смѣняетъ одну форму за другою, какъ будто ища формы все болѣе и болѣе совершенной, реальность принадлежитъ лишь той формѣ, въ которой матерія находится въ данный моментъ, а формы оставленныя матеріею, по нашему утвержденію, сохраняются лишь какъ идеальные образы прошлаго. Этотъ фактъ сохраненія формы самъ по себѣ нисколько не противорѣчитъ тезису—независимо отъ того вѣренъ ли дѣйствительно этотъ тезисъ или нѣтъ, что во всякой новой формѣ вещество и движеніе существуютъ равно въ такомъ количествѣ, въ какомъ существовали въ каждой изъ старыхъ формъ. Непрестанно преобразующуюся матерію міра можно уподобить змѣѣ постоянно сбрасывающей съ себя чешую. Сброшенная, но сохраняющаяся чешуя, это—оставленная форма, это—вчерашній день нашей жизни.

Сохраняется форма, но вѣдь, форма — только поверхность явленій. Жизнь проявляется на поверхности, но управляющія ею пружины и нити скрываются всегда въ глубинѣ. Это-такъ; но и пружины и сокровенныя нити имѣютъ свои формы и образы и они сохраняются вѣчно въ небесныхъ пространствахъ. Я сказалъ выше, что звуки земли не доходятъ до неба, но должно добавить, что образы этихъ звуковъ должны достигать периферіи вселенной. Звукъ есть сотрясеніе среды, при которомъ частицы звучащаго тѣла об-

разуютъ опредѣленныя геометрическія фигуры. Давно найдены законы образованія этихъ фигуръ (именно лемнисцетъ) и давно составлены ихъ алгебраическія уравненія. Тепловыя и электрическія напряженія передаются черезъ пустое пространство. Но независимо отъ этого всѣ тепловыя и электрическія измѣненія въ тѣлѣ отражаются въ его формахъ. Нагрѣваніе разъединяетъ частицы тѣла между собою, охлажденіе ихъ сжимаетъ; при намагничиваніи желѣзо удлиняется вдоль оси намагничиванія, при прекращеніи дѣйствія индукціоннаго тока, оно сокращается. Но все это—физическія перемѣны, внѣшнія картины міра. Не это главнымъ образомъ дорого намъ. Наша духовная жизнь, наши скорби и радости, преступныя и добрыя дѣянія человечества сохраняются ли они?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ на половину нами уже полученъ. Вся извѣстная намъ психическая жизнь проявляется въ матеріальныхъ формахъ, и несомнѣнно, матерія въ которой находится психическое начало и въ которой такого начала не имѣется, не могутъ имѣть тождественныхъ формъ. И спиритуалисты и матеріалисты одинаково должны признать, что матерія ощущающая и матерія, не имѣющая ощущеній могутъ казаться, но не могутъ быть дѣйствительно тождественными. Въ противоположность мысли завѣщанной намъ Индіею, что все одушевлено, въ XVII столѣтіи развилась теорія, что одушевлены только люди, что животныя—автоматы, движенія ихъ— движенія заведенныхъ машинъ, ихъ звуки и крики тождественны съ звуками производимыми куклами. Говорятъ, что вдохновленный этою теоріею добрыйшій Мальбраншъ безвинно колотилъ палкою свою собаку. Въ этой теоріи утверждается несомнѣнная истина, что психическій придатокъ къ физическимъ явленіямъ для насъ необъяснимъ. Воетъ вѣтеръ, воетъ собака, съ первымъ явленіемъ мы не связываемъ никакого психическаго состоянія, за вторымъ мы предполагаемъ состояніе точки. Но доказать одушевленность собаки, какъ доказать одушевленность какого бы то ни было существа мы не можемъ. Всякое психическое состояніе выражается для наблюдателя въ физическихъ актахъ, т. е. въ такихъ, которыя вѣдаются науками о матеріи. Психическій придатокъ усложняетъ явленія и никакъ логически не можетъ быть выведенъ изъ фи-

зическихъ актовъ. Ланге высказалъ, что мы можемъ мыслить міръ совершенно такой же, какъ нашъ, въ которомъ бы изобрѣтались машины, писались сочиненія, велись споры, но въ которомъ не было бы души, не было бы одушевленныхъ существъ. Несовершенство нашихъ знаній позволяетъ мыслить эту возможность. Я говорю: несовершенство, потому что только по несовершенству мы часто утверждаемъ возможность невозможнаго и отрицаемъ возможность дѣйствительнаго. Существуютъ машины сами добывающія для себя питательный матеріаль (солнечную теплоту; силу вѣтра, силу движущейся воды), двигающіяся, рѣшающія алгебраическія задачи, пишущія, набирающія, печатающія. Нѣтъ только машинъ чувствующихъ. Однако и здѣсь должно оговориться, что имѣются приборы говорящіе о состояніи машины, все равно какъ чувства боли и удовольства говорятъ о состояніи организма. Центробѣжный регуляторъ показывающій, что паръ въ котлѣ производитъ неумѣренно высокое давленіе, это все равно, что боль отъ колликъ въ желудкѣ. Вотъ, говорятъ, мы можемъ мыслить міръ совершенно тождественный съ нашимъ, въ которомъ были бы всѣ проявленія мысли, чувства и воли, но въ которомъ не было бы ни мысли, ни чувства, ни воли. Въ этомъ тезисѣ несомнѣнно ошибоченъ терминъ: тождественъ. Несомнѣнно, что психическое начало, воздѣйствуя на матерію, кладетъ на нее такой же неизгладимый отпечатокъ, какой кладетъ атомъ на другой атомъ, воздѣйствуя на послѣдній, о вѣчномъ сохраненіи образовъ каковаго воздѣйствія мы говорили: вещество отпечатлѣваетъ въ себѣ духовныя состоянія ихъ носителя. Вотъ почему можно рѣшительно утверждать, что образы сохраняемые свѣтовыми лучами въ пространствѣ отражаютъ въ себѣ не только внѣшнюю, но и всю внутреннюю исторію міровой жизни. Положимъ вчера, прощаясь съ кѣмъ либо я высказывалъ ему сердечнѣйшія пожеланія удачи, сознавая въ душѣ, что его неудача доставила бы мнѣ искреннѣйшее удовольствіе. Такія рѣчи и такія чувства постоянно уживаются въ мірѣ. Размышляя теперь о томъ, какъ отразился мой вчерашній образъ въ міровыхъ пространствахъ, я думаю, что я явлюсь тамъ въ свѣтлыхъ небесныхъ пространствахъ въ видѣ какой то нравственной гримасы. Вибраціи льстивыхъ звуковъ, отраженіе личныхъ

мускуловъ сдвинутыхъ такъ, чтобы придать лицу умильно-благожелательное выраженіе и находящіяся въ совершенномъ диссонансѣ съ этимъ вибраціи сердечныхъ біеній регулировавшихся темными чувствами недоброжелательства и зависти. Вѣдь, сердце бьется иначе, когда человѣкъ говоритъ правду и когда онъ лжетъ. Всякій лгушій человѣкъ есть уже не вполнѣ нормальный человѣкъ, въ немъ есть раздвоеніе, и это психическое раздвоеніе неизбѣжно влечетъ за собою физическое. Свѣтовые лучи отражаютъ кривыя сердечныхъ движеній, такъ что можно сказать, что каждое лгущее сердце вѣчными буквами пишетъ на вѣчномъ небесномъ покровѣ: я лгу, лгу, лгу.

Все увѣковѣчивается на небѣ. Отсюда открывается возможность увидѣть все и притомъ въ истинномъ свѣтѣ. Теперь мы видимъ не многое и притомъ, если не въ свѣтѣ ложномъ, то во всякомъ случаѣ въ свѣтѣ далекомъ отъ того, чтобы быть безусловно истиннымъ. Мы находимъ одни лица красивыми, а другія нѣтъ. Условность нашей оцѣнки открывается уже изъ того, что можно всегда выбрать другую точку зрѣнія, другое освѣщеніе, другую обстановку, и красивыя лица покажутся некрасивыми, и безобразіе безобразныхъ исчезнетъ. Но должна быть безусловно правильная точка зрѣнія, въ которой вещи должны представляться въ истинномъ свѣтѣ. Человѣкъ „съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой“ не можетъ быть въ сущности красивымъ, совершенному глазу смотрящему съ правильной точки зрѣнія онъ долженъ показаться безобразнымъ. У Гоголя въ его „страшной мести“ разсказывается, какъ при благословеніи молодыхъ святою иконою схимника забавлявшій всѣхъ ражій казакъ вдругъ превратился въ безобразнаго старика, у него, „носъ выросъ и наклонился въ сторону, вмѣсто карихъ запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился какъ колье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ за головы поднялся горбъ, и сталъ казакъ—старикъ“¹⁾. Здѣсь дѣло не въ измѣненіи колдуна, а въ просвѣтленіи очей. Сколько разъ и во сколькихъ романахъ встрѣчается фраза: у него (или у нея) какъ бы упала повязка съ глазъ и онъ (или она) увидѣлъ. У Шиллера въ его

¹⁾ Сочин. Гоголя. 4-е изданіе наследниковъ. 1880. Т. I стр. 152.

„Разбойникахъ“ Францъ Мооръ рассказываетъ о привидѣвшемся ему во снѣ страшномъ судѣ и о зеркалѣ, которое было у одного изъ судей. „Зеркало это—истина, лицемѣріе и притворство не выдержатъ его отраженій. И я, говоритъ Мооръ, устрасился и весь народъ со мною, потому что въ ужасномъ зеркалѣ отражались однѣ головы змѣй, тигровъ и леопардовъ“¹⁾.

Въ этомъ мірѣ многое по существу безобразное можетъ казаться намъ красивымъ, привлекательнымъ, пріятнымъ. Мы услаждаемся созерцаніемъ окрашенныхъ гробовъ, „которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты“ (Мѡ. 27, 27). Но для усилившагося и обострившагося зрѣнія видъ внутренняго безобразія откроется черезъ внѣшнюю оболочку и весь образъ предстанетъ во всемъ своемъ поражающемъ безобразіи. Есть въ людяхъ нѣчто скрытое внутри ихъ, что невидно въ обыкновенное время обыкновенному зрѣнію, но что иногда проникаетъ наружу и совершенно видоизмѣняетъ ихъ. Несдержанная злоба, низкая похоть обезображиваютъ черты. Когда некрасивый человѣкъ воодушевляется, когда охваченный благороднымъ порывомъ онъ въ огненной рѣчи призываетъ другихъ къ благороднымъ дѣламъ, его черты преобразуются и могутъ становиться прекрасными. Внутренній огонь добра или зла таящейся внутри человѣка рѣдко въ обыкновенной жизни проникаетъ наружу, но иногда проникаетъ, и тогда мы видимъ истиннаго человѣка въ истинномъ освѣщеніи. Человѣкъ съ изуродованнымъ носомъ или лицомъ отталкиваетъ насъ своею фигурою, но кто знаетъ, если бы мы видѣли все существо такого человѣка, мы не захотѣли бы съ нимъ разстаться. Поэтъ говоритъ:

Бѣдный ребенокъ—она некрасива!
 То-то и въ школѣ и дома она
 Такъ не смѣла, такъ всегда молчалива,
 Такъ неподѣтски тиха и грустна!
 Зло надъ тобою судьба подшутила:
 Острою мыслью и чуткой душой
 Щедро дурнушку она надѣлила,—

¹⁾ Разбойники. Третье изданіе подъ редакц. Гербеля 1863 г. Т. 2 стр. 143—145.

Не надѣлила однимъ,—красотой!

Ахъ, красота—это страшная сила ¹⁾).

А между тѣмъ при правильномъ освѣщеніи эти некрасивыя черты бѣднаго ребенка могли бы оказаться исполненными неземной прелести. Нельзя безусловно думать, что всѣ наши эстетическія сужденія ложны, нельзя отрицать, что даже и здѣсь на землѣ существуетъ связь между красотой и добродѣтелью. Рѣчи Гамлета о невозможности союза красоты и добродѣтели, не смотря на свой злой блескъ и убійственное остроуміе, представляются намъ заключающими въ себѣ менѣе правды, чѣмъ скромная защита этого союза данная Офеліей. И чувствуется, что пессимистически настроенный и насмѣшливый принцъ не можетъ въ сущности вѣрить своимъ пессимистическимъ рѣчамъ, онъ только хочетъ, чтобы кто-нибудь болѣе сильный, чѣмъ онъ самъ, разубѣдилъ его въ нихъ. Общечеловѣческое сознаніе руководилось всегда въ сущности тою же точкою зрѣнія, которой держалась Офелія. Но вообще теперь глазъ нашъ и слабъ и нечистъ. Ему должно стать болѣе чистымъ и яснымъ. Должно, чтобы чловѣкъ, обращаясь къ Богу, могъ сказать вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: „во свѣтъ Твоемъ мы видимъ свѣтъ“ (пс. 35, 10).

Я склоненъ думать, что часто фактъ, пока онъ не завершился во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, зрѣніемъ, какъ бы оно ни было совершенно—лишь бы не абсолютнымъ—и не можетъ быть воспринятъ въ истинномъ свѣтѣ. Есть известное авто-біографическое повѣствованіе преподобнаго Макарія о томъ, какъ онъ, будучи мальчикомъ, поднялъ смокву изъ украденныхъ и оброненныхъ другими его сверстниками и съѣлъ ее. „Когда я вспоминаю теперь объ этомъ, заканчиваетъ рассказъ преподобный, я плачу“ ²⁾. Начало—небольшое преступленіе—здѣсь некрасиво, но это начало (малое преступленіе) соединенное со своимъ концомъ (великимъ раскаяніемъ) трогательно и прекрасно. Бываютъ и иныя начала и иныя концы. Неудача въ добрыхъ предпріятіяхъ можетъ сдѣлать чловѣка худшимъ, чѣмъ какимъ онъ былъ

¹⁾ Надсопъ. Стихотв. 1887 г. 301 стр.

²⁾ Макарія Египетскаго, бесѣды, посланія и слова. Издан. Москов. Дух. Академіи, Москва. 1852.

раньше своихъ добрыхъ начинаній. Только въ связи, въ исторической цѣлости мы можемъ увидать вещи и лица въ правильномъ свѣтѣ. Отъ свѣта будущаго зависитъ освѣщеніе прошедшаго. Недаромъ настоящія поколѣнія хлопочать о судьбѣ будущихъ.

Міръ сохраняетъ свою исторію. Далеко, далеко отъ земли свѣтовые лучи представляютъ теперь, какъ образовывалась земля, какъ приняла она эллипсоидальную форму, какъ на ней появились первыя растенія и животныя, какъ появился человѣкъ, какъ онъ жилъ, грѣшилъ, страдалъ и радовался. Каждый мотивъ человѣческаго дѣйствія, каждая человѣческая мысль отображены въ небесныхъ пространствахъ. Говорятъ о судѣ исторіи, о томъ, что завидная участь жить въ памяти потомства. Но что это за судъ исторіи?

Герои были до Атрида,

Но древность скрыла ихъ отъ насъ

И дѣлъ ихъ не оставилъ вида

Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Судъ историковъ, какъ и гласъ стихотворцевъ, ограниченъ, несовершенъ и не безсмертенъ. На вопросъ для вѣрующаго въ истинность библейскаго повѣствованія не вызывающій никакихъ сомнѣній: существовалъ ли Авраамъ? Цѣлая плеяда историковъ отвѣчала: нѣтъ, это—миѣ, это—эпоха въ жизни народа олицетворенная народомъ въ одномъ лицѣ. Новые историки говорятъ: Авраамъ былъ, онъ современникъ Гаммураби. На вопросъ: были ли Ной и потопъ? говорили: нѣтъ, это—миѣ, навѣянный разливами Нила; теперь говорятъ: все было, Ной жилъ въ Сурипакѣ близъ Персидскаго залива. Какъ шатки, неустойчивы и мало обоснованы прежнія отрицанія и новыя утвержденія. И потому, если исторія и воссоздастъ фактъ и установитъ его прочно, то мотивы дѣйствія лицъ, усиліями которыхъ созданъ фактъ, всегда опредѣляется только проблематически. Характеристики историческихъ дѣятелей, это, вѣдь гораздо болѣе поэтическія произведенія, чѣмъ воссозданіе исторической правды. Міръ хранитъ исторію земли, но земные обитатели знаютъ ее смутно и плохо. Откроется ли эта исторія когда либо имъ, будутъ ли они снова чувствовать и переживать прожитое, не станетъ ли когда либо для человѣческаго духа его прошлое его настоящимъ?

Здѣсь мы вступаемъ въ область вѣры и гаданій. Однако и вѣра и гаданія могутъ имѣть и приводить соображенія въ свою пользу. Прежде всего предносятся уму соображенія телеологическія: зачѣмъ міръ сохраняетъ свое прошлое, если не существуютъ тѣ, которые заинтересованы въ этомъ прошломъ? Говорятъ, что природа не имѣетъ цѣлей, что телеологія (ученіе о цѣляхъ) дискредитирована. Но это—рѣчи, которымъ никогда не повѣритъ сердце и не повѣритъ потому, что разумъ безусловно не можетъ руководиться этими рѣчами. Разумъ дѣйствуетъ по цѣлямъ и въ томъ уголку міра, который онъ знаетъ, онъ наблюдаетъ постепенный процессъ совершенствованія, для котораго поддается естественная цѣль—совершенство. Разумъ не можетъ примириться и съ тою мыслью, что видъ Палестины въ то время, когда по ней ходилъ съ апостолами Божественный Спаситель міра, когда совершалось искупленіе, совершалось примиреніе земли съ небомъ, что этотъ видъ сохраняемый міромъ никогда не будетъ созерцаться жителями земли. Не метафорически только, но можетъ быть и буквально въ будущемъ кто-либо будетъ имѣть право сказать:

Я зрю Его передо мною
 Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ,
 Онъ тихо мирною стезею
 Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ:
 Благихъ рѣчей своихъ отраду
 Въ сердца простыя Онъ лиетъ,
 Онъ правды алчущее стадо
 Къ ея источнику ведетъ.

И разрѣшится тоска пѣснопѣвца.

Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
 Когда межъ нами во плоти,
 Неся мучительное бремя
 Онъ шелъ на жизненномъ пути ¹⁾!

Въ небесныхъ пространствахъ запечатлѣны образы материальныхъ формъ, въ которыхъ выражались наши скорби и радости, но самыя скорби и радости? Самонаблюденіе и самоанализъ отвѣчаютъ: мы хранимъ ихъ въ глубинѣ своего духа, хранимъ ихъ въ своей памяти. Но вспоминать въ

¹⁾ Толстой А. Іоаннъ Дамаскинъ.

сущности значить переживать. Я вспоминаю свѣтлыя минуты своего прошлаго и на моей душѣ становится свѣтлѣе. Я вспоминаю, какъ я маленькимъ мальчикомъ безвинно убилъ цыпленка, и тяжелое чувство неловкости и виновности снова смутно поднимаются въ моей душѣ. Кажется, вотъ— вотъ мое дѣтство снова возвратится ко мнѣ. Старый лѣтописецъ говоритъ у Пушкина о своемъ дѣлѣ веденія лѣтописи

На старости я съизнова живу,

Минувшее проходитъ предо мною.

Но переживаніе прошлаго не то-же что жизнь въ настоящемъ. И не потому что прошлое воскресаетъ въ памяти недостаточно отчетливо и ярко. Если даже прошлое воскреснетъ въ нашей памяти съ тою яркостію и полнотою, которыми характеризуются впечатлѣнія настоящего, оно все таки явится инымъ, чѣмъ какимъ было нѣкогда. Къ нему, вѣдь прибавилось настоящее. Я смотрю на уголокъ картины и затѣмъ на всю картину и сначала и потомъ я смотрю на тотъ же уголокъ, ново второмъ случаѣ онъ представляется мнѣ уже инымъ, чѣмъ прежде. Такъ и внутреннее переживаніе дѣтства съ присоединившимися къ нему юностью и зрѣлостію не то же, что жизнь въ дѣтствѣ.

Но возможно ли самое это переживаніе, возможно ли воспроизведеніе прошедшаго въ памяти не въ смутномъ и въ общемъ видѣ, а такъ какъ это прошедшее происходило дѣйствительно? Поэты давно уже утверждаютъ фактъ этой возможности. Мы имѣемъ цѣлый рядъ созданныхъ рукою мастеровъ поэтическихъ образовъ, вспоминавшихъ ясно то, что повидимому было забыто безусловно. У Лермонтова въ его „Мцыри“ мы читаемъ о такихъ воспоминаніяхъ. Жившій въ монастырѣ и помнившій въ прошедшемъ лишь монастырь, юный мцыри, вырвавшись на свободу, подъ воздействием новыхъ впечатлѣній вспоминаетъ о самыхъ раннихъ дняхъ своей жизни.

И стало въ памяти моей

Прошедшее яснѣй, яснѣй.

И вспомнилъ я отцовскій домъ

Ущелье наше и кругомъ

Въ тѣни разсыпанный аулъ

Мнѣ слышался вечерній гулъ

Домой бѣгущихъ табуновъ
 И дальній лай знакомыхъ псовъ
 Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
 При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
 Противъ отцовскаго крыльца
 Сидѣвшихъ съ важностью лица
 И блескъ оправленныхъ ноженъ
 Кинжаловъ длинныхъ... И какъ сонъ
 Все это смутной чередой
 Вдругъ пробѣгло предо мной
 А мой отецъ? Онъ какъ живой
 Въ своей одеждѣ боевой
 Являлся мнѣ—и помнилъ я
 Кольчуги звонъ и блескъ ружья
 И гордый непреклонный взоръ,
 И молодыхъ моихъ сестеръ
 Лучи ихъ сладостныхъ очей,
 И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
 Надъ колыбелю моею ¹⁾...

Здѣсь мы имѣемъ, что досознательный періодъ жизни
 вспомнился сознательно. Что это—живое представленіе не-
 понимающаго правды писателя или гениальное провидѣніе
 возможнаго факта? Я думаю, что послѣднее. Очень можетъ
 быть, что самого поэта не охватывали подобныя воспомина-
 нія и что онъ не встрѣчался съ людьми, которые могли бы
 сказать ему, что съ ними происходило подобное. Но его
 поэтическая прозорливость и художественное чутье подска-
 зали ему, что такой фактъ возможенъ, и онъ описалъ его
 намъ, какъ дѣйствительность, въ художественной формѣ.
 Имъ руководило можетъ быть то бессознательное убѣжде-
 ніе, которое другой современный ему поэтъ совѣмъ съ
 другимъ настроеніемъ выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Для сердца прошедшее вѣчно

.....

И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эсхинъ,

Обѣтъ неизмѣнной надежды:

Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ

Погибшее намъ возвратится ²⁾.

¹⁾ Лермонтовъ, Мцыри.

²⁾ Жуковскій, Теонъ и Эсхинъ.

У русскихъ писателей послѣдующаго времени можно указать неоднократное возвращеніе къ этой мысли о томъ, что прошлое цѣло и сохраняется. Эта мысль сквозить въ стихотвореніи въ прозѣ Тургенева—„Стой“... „Въ это мгновеніе ты безсмертна... Это твое мгновеніе не кончится никогда“... Прошедшія событія принимаютъ реальный видъ въ „Призракахъ“ Тургенева. Воскресаетъ Волга зременъ Стеньки Разина, и является Степанъ Тимофеевичъ. Воскресаетъ древній Римъ. Является Цезарь и слышитъ *Caesar, morituri te salutamus*. Въ небольшомъ разсказѣ о загробномъ судѣ надъ бѣднымъ Макаромъ у Короленко мы читаемъ, что Макаръ вспомнилъ всю свою жизнь, всѣ свои обманы и оказалось обмановъ „двадцать одна тысяча девять сотъ тридцать три обмана“. Недавно одинъ англійскій писатель Уэльсъ, составляющій фантастическіе рассказы на естественно научномъ основаніи, написалъ повѣсть „Машина для перемѣщенія во времени“, т. е. машина для перемѣщенія изъ настоящаго въ прошедшее и будущее. Такой машины, конечно, никогда на самомъ дѣлѣ не увидитъ человѣчество. Но не настанетъ ли нѣкогда день, „въ который воспламененныя небеса разрушатся, и разгорѣвшіяся стихіи растаютъ“ (2 Петр. 3, 12)? День, въ который исчезнутъ теперешнія пространство и время и все бывшее станетъ однимъ настоящимъ.

Прошедшее возвратится. Я думаю, что каждый по мѣрѣ того, какъ живетъ, болѣе и болѣе наблюдаетъ это возвращеніе прошедшаго. Въ первую половину жизни мысли человека постоянно обращаются къ будущему, оно темно, неизвѣстно и поэтому заманчиво. Но по мѣрѣ того какъ дальше и дальше проходитъ жизненная траекторія, будущее становится болѣе опредѣленнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что его нельзя мыслить радужнымъ; чѣмъ болѣе человекъ будетъ двигаться во времени, тѣмъ болѣе оно будетъ становиться безцвѣтнымъ. Если въ устахъ юнаго поэта странно звучатъ слова: „ужъ не жду отъ жизни ничего я“, то они пріобрѣтаютъ значительную долю правдивости въ устахъ того, предъ духовнымъ взоромъ котораго стоитъ старость, пенсія и принудительная бездѣятельность вслѣдствіе отсутствія силы. Тогда и даже гораздо ранѣе взоры человека отъ безцвѣтнаго будущаго все болѣе и болѣе начинаютъ

обращаться къ прошедшему. Въ Гайаватъ Лонгфелло мы встрѣчаемъ такую картину. Старый старикъ и юная дѣвушка задумчиво и безмолвно сидятъ предъ входомъ вигвама. Поэтъ говоритъ о нихъ:

Думаль онъ—о томъ, что было.

А она—о томъ, что будетъ.

Этотъ старикъ и эта дѣвушка — образы юнаго и стараго поколѣній всего человѣчества. Юность нуждается въ пророкахъ, старость ищетъ лѣтописцевъ. И вотъ—душа человѣка начинаетъ повѣдовать ему о быломъ. „Тогдашнее я помню лучше, чѣмъ недавнее“, писалъ св. Ириней Флорину ¹⁾. Къ недавнему лонскій епископъ былъ равнодушенъ, тогдашнее было ему дорогимъ, и онъ воссоздавалъ его въ своей памяти. Какъ въ пространствѣ хранятся образы прошедшаго, такъ душа сохраняетъ представленія прошедшаго. Если за моею реальною фигурою стоитъ непрерывный рядъ всѣхъ моихъ измѣненій въ прошедшемъ на томъ пространствѣ, которое свѣтъ прошелъ въ теченіе лѣтъ моей жизни, то за моимъ настоящимъ душевнымъ состояніемъ, стоитъ непрерывный рядъ всѣхъ моихъ прежнихъ душевныхъ состояній, кончая первымъ моментомъ моего духовнаго существованія. Весь этотъ душевный багажъ можно уподобить конусу, у котораго свѣтомъ сознанія обыкновенно освѣщается лишь одна вершина. Но фактъ воспоминаній показываетъ, что этотъ свѣтъ—хотя и не такой яркій и ровный—можетъ проникать и въ нижележащія части. Только одно мы можемъ освѣщать, т. е. вызывать въ поле сознанія, по своему произволу, другое порою вторгается въ нашу память невольно, наконецъ, третье не вспоминается нами, не смотря на всѣ наши старанія и усилія. Есть мнемоническая техника, она помогаетъ при воспоминаніяхъ и запоминаніяхъ, но и она бессильна во многихъ случаяхъ. Мы говоримъ тогда: я абсолютно за-

¹⁾ Сравни Голубинскаго Д. Ѳ. памяти архіепископа харьковскаго Амвросія (Душев. Чтен. 1902. № 9). Авторъ приводитъ въ этой статьѣ изреченіе одного престарѣлаго ритора:

Ex omnibus animae partibus memoria maxime delicata et fragilis est, in quam primam senectus incurrit. Quaequaque apud illam aut puer aut juvenis deposui modo audita sine cunctatione profert. Tamen quae intra proximos annos commisi, sic perdidit ut etiamsi saepius integrantur, toties tantum nova audiam стр. 34—35.

былъ то-то, я безусловно не помню того, что училъ тогда-то. Вѣрны-ли эти термины: абсолютно и безусловно?

Психопатологія знаетъ болѣзнь называемую гипермнезією и состоящую въ ненормальномъ усиленіи памяти. Указываютъ примѣры, когда люди вспоминали то, чего повидимому они безусловно не могли запомнить. Пытаются даже установить нѣчто въ родѣ психологическаго закона, по которому человѣку въ минуту смертельной опасности, когда онъ уже погибаетъ, вспоминается вся прошлая жизнь. Это говорятъ о спасенныхъ утопленныхъ, и лицахъ вынутыхъ изъ подъ поѣзда. Но едва-ли этотъ фактъ всеобщъ. По крайней мѣрѣ изъ рѣчей нѣкоторыхъ спасшихся можно видѣть, что ихъ мысль была занята совсѣмъ инымъ, а не своею исторією. Затѣмъ, и тамъ, гдѣ эти воспоминанія имѣли дѣйствительно мѣсто, вопросъ о томъ насколько эти воспоминанія на самомъ дѣлѣ были живы и полны—не такъ легко рѣшить на основаніи повѣствованія потерпѣвшихъ. Позволительно вообще думать, что такія воспоминанія не были феноменально полнымъ повтореніемъ всей душевной жизни прошлаго. Едва-ли на землѣ возможно такое расширеніе поля сознанія и усиленія его ясности. Но съ другой стороны, едва-ли можно оспаривать, что не существуетъ въ жизни никакого человѣка такого душевнаго состоянія, такого факта, который онъ забылъ-бы такъ основательно, что никогда и ни при какихъ условіяхъ не могъ-бы его вспомнить. Мы всѣ усердно забываемъ то, чему неусердно учимся. Очень можетъ быть, что забытое при такихъ условіяхъ и не воспроизведется въ памяти, но фактъ сохраненія его въ душѣ доказывается тѣмъ, что при попыткахъ снова познакомиться съ позабытымъ позабытое ученіе всегда оказываетъ пользу и облегчаетъ дѣло. То, что мы пережили и испытали, есть наше душевное достояніе. Мы можемъ быть плохими хозяевами своего достоянія, не знать его большей части, но за всѣмъ тѣмъ, оно остается намъ неотъемлемо принадлежащимъ. Мы носимъ его всюду съ собою? Не ужели только за тѣмъ, что-бы оно безслѣдно сгнуло съ нашею смертью? Два основанія заставляютъ насъ отвергнуть такое предположеніе. Во 1) телеологическій принципъ не допускающій мысли, что-бы что-либо могло накапливаться и нарастать лишь за тѣмъ, что-бы исчезнуть, во 2) начало сохраненія энергій.

Раньше, чѣмъ это начало было формулировано, ученые безсознательно руководились имъ въ своихъ изысканіяхъ, и вообще для человѣка переходъ въ небытіе непостижимъ, для него гораздо болѣе допустимой является мысль о нарастаніи бытія. Вольфъ сказалъ: *Nihil est sine ratione cur potius sit, quam non sit* ¹⁾—нѣтъ ничего такого, для чего не имѣлось бы основанія, почему должно быть предпочитаемо его существованіе несуществованію. Я несогласенъ съ Вольфомъ. Относительно многихъ поступковъ моей жизни я думаю, что лучше бы было, если бы ихъ не было. Но разъ они были, они и останутся. Если желательно сохраненіе чего-либо, то нужно сохраненіе всего. Для того, чтобы сохранилось раскаяніе, нужно, чтобы сохранилась память о грѣхѣ. Въ мірѣ физическомъ только изслѣдованіе и изученіе открыло намъ, что существуетъ нарастаніе, а не круговоротъ явленій, въ мірѣ психическомъ каждый этотъ процессъ нарастанія, развитія, прогресса, эволюціи—назовите, какъ хотите—наблюдалъ на себѣ и на другихъ. Если въ мірѣ физическомъ образъ каждаго положенія атома сохраняется на вѣки, то въ мірѣ психическомъ должно сохраняться на вѣки представленіе каждаго ощущенія. Вся духовная исторія міра, полагаемъ, такъ же цѣла, какъ и физическая.

Какъ въ мірѣ физическомъ всѣ явленія связаны между собою и не существуетъ ничего особеннаго и разрозненнаго, такъ и въ мірѣ психическомъ каждая отдѣльная душевная жизнь состоитъ въ связи съ тысячами жизней другихъ. Мы знаемъ не только свое душевное прошлое, но и душевное прошлое многихъ, мы знаемъ и переживали горести и радости своихъ ближнихъ. „У меня болитъ твоя грудь“, писала мать своей больной дочери. Великій апостолъ языковъ писалъ къ коринѣянамъ: „Вы наше письмо, написанное въ сердцахъ нашихъ, узнаваемое и читаемое всѣми человѣками“: (2 Коринѣ. 3. 2). Если душевная жизнь людей оказывается взаимно связанною и переплетающеюся, то тогда и воспоминанія и свѣтъ сознанія могутъ простираться и распространяться не только на наше личное прошлое, но и на прошлое тѣхъ, съ которыми приходило въ соприкосновеніе прошлое наше личное.

¹⁾ Цит. изъ Шопенгауэра. Собран. сочин. переводъ Айхенвальда. Вып. 1, стр. 6.

И вотъ, какая мысль предносится уму. Когда разрѣшатся узы временно пространственнаго бытія, когда это бытіе перейдетъ въ инобытіе, у человѣческаго духа можетъ быть откроются очи для созерцанія и физическаго и духовнаго міра. И увидитъ человѣкъ тогда всю свою жизнь, вспомнитъ каждое праздное слово, каждое помышленіе и движеніе сердца. „Тогда познаю, подобно какъ я познанъ“, говоритъ апостоль (I Корине. 13, 12). Это не будетъ всевѣдѣніемъ, не будетъ абсолютнымъ знаніемъ, но это будетъ новая ступень созерцанія, знанія и сознанія, о которыхъ лишь смутно мы можемъ догадываться теперь.

Вотъ мысли, которыя, мнѣ кажется, могутъ подсказываться изученіемъ наукъ о матеріи, какъ равно изученіемъ и наукъ о духѣ. Онѣ совпадаютъ съ истинами той вѣры, разъясненію и обоснованію которыхъ служитъ наша школа. Это вѣра—въ личное безсмертіе, въ возмездіе, въ духовную взаимопомощь, въ оправданіе. Наши мысли и чувства не исчезаютъ безслѣдно, мы мыслимъ и чувствуемъ совмѣстно другъ съ другомъ, мы поддерживаемъ другъ друга и препятствуемъ другъ другу, мы можемъ будущимъ исправлять прошедшее.

Обращаясь отъ этихъ положеній къ мысли о нашей школѣ, день рожденія которой мы сегодня празднуемъ, я не думаю, чтобы ея прошлое особенно нуждалось въ томъ, чтобы быть исправленнымъ будущимъ. О тѣхъ, которые служили въ этой школѣ раньше насъ, мы знаемъ, что они много работали, мало получали, жили въ худости и бѣдности, съ которыми теперь едва ли бы сьумѣли примириться мы, что работали они при условіяхъ тяжелыхъ и на землѣ не получили ни вѣнцевъ, ни лавровъ. Размышляя объ этихъ дѣятеляхъ, мы не можемъ отдѣлять отъ нихъ и ихъ питомцевъ, которые поколѣніе за поколѣніемъ приходили сюда и затѣмъ черезъ 4 года разсѣвались по нашей широкой такъ много занимающей мѣста на маленькой землѣ—странѣ. Уподобимъ cadaго человѣка маленькой звѣздочкѣ, свѣтъ которой пропорціоналенъ духовнымъ дарованіямъ человѣка. Такіе малые огни, малыя искры сначала черезъ 2 года, а потомъ ежегодно стали разсѣваться изъ нашей школы по нашей странѣ. Доля большинства изъ этихъ дѣятелей была и маловидна и незавидна. Проходили годы. Положеніе на-

шей школы и ея питомцевъ улучшалось. Не будемъ идеализировать этого положенія и теперь, но во всякомъ случаѣ теперь мы имѣемъ гораздо больше средствъ и возможности для того, чтобы созидать лучшее будущее для нашей школы, чѣмъ тѣ средства, которыми располагали предшествовавшія намъ поколѣнія дѣятелей этой школы. И если свѣтъ и огонь, который несли въ прошлое время учителя и ученики этой школы, содѣйствовали духовному просвѣщенію и развитію нашего народа. то тѣмъ болѣе вправѣ всѣ ожидать, что теперь наша школа должна давать еще большую дань наукѣ и церкви. Вотъ почему съ благодарностью къ прошедшему въ нынѣшній день особенно хочется присоединить надежды на свѣтлое будущее.

Доброе будущее утверждается на добромъ прошедшемъ. Когда въ свободныя и бездѣятельныя минуты я предавался воспоминаніямъ о прошломъ, предо мною на фонѣ моей собственной грѣховности являлось то, что я встрѣчалъ и узналъ добраго на своемъ жизненномъ пути. Милые и свѣтлые образы, благородныя дѣла, намѣренія, мечты. Я нашелъ нѣчто утѣшительное въ мысли, что все это доброе цѣло, вѣчно, что оно сохраняется въ безсмертныхъ нѣдрахъ прошедшаго. Этою мыслью я захотѣлъ подѣлиться съ Вами нынѣ.

С. Глаголевъ.